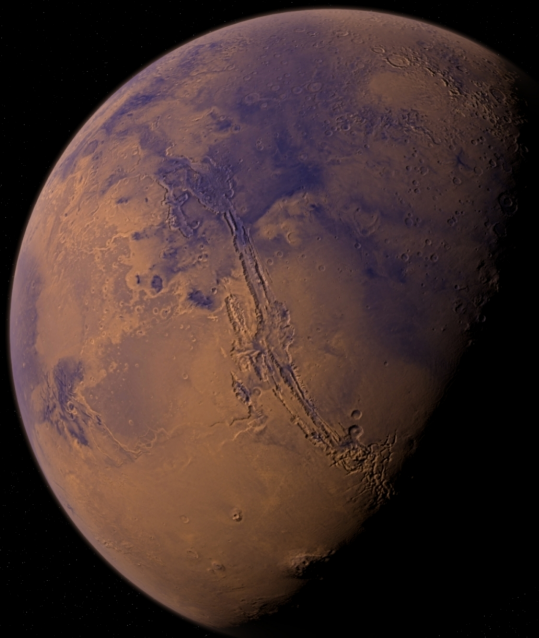

АЛЕКСЕЙ ГРАШИН

12+

КРАСНЫЙ ВОРОБЕЙ

Алексей Грашин

Красный воробей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67406033

SelfPub; 2022

Аннотация

Люди пришли на Марс. Но какой ценой? Всё ли хорошо у них там?

А всё ли хорошо на Земле?

Специалист очень редкого профиля едет на старую базу, чтобы выполнить весьма необычный заказ...

Содержание

Алексей Грашин

Красный воробей

АРТУРО

Если твой ровер сломается, думаешь, ты труп?

(Ну да, ты же никогда не ездил тут на ровере).

Ничего подобного.

Сейчас я тебе расскажу.

Между базами всего по несколько десятков ли¹, ну, где-то, может, сотня. Так проще выживать. (Все базы построены в «зелёной зоне», хотя Артуро ещё ни разу не видел на поверхности ничего зелёного). Дороги наезжены, колеи после бурь чистят. Связь работает, всегда можно вызвать подмогу.

Плюс при подготовке к полёту – полгода, на минуточку – его учили справляться с любыми головняками: заблудился, попал в бурю, пробил облегат, сломался ровер, отказал визор. Медицинская подготовка, конечно. Подгрузка на айчи? Естественно, но должна же быть и мышечная память, а она нарабатывается только тренировкой в реале.

Так что Артуро едет к Пии Ти-пе – китайской базе, название которой значит что-то вроде «первый оплот», чувствует лёгкую вибрацию, погружён в ип-ту-той фанк SATURN ROSE, не забывая поглядывать по сторонам, и вполне дово-

¹ Китайская мера длины, равна 500 метрам

лен жизнью (насколько ей можно быть довольным в такой дыре, как эта).

Ровер плетётся по равнине Утопия со скоростью пять км/ч, медленно, но это, во-первых, безопасность, а во-вторых, возможность побыть совсем одному. На базе ты в консервной банке с десятками людей, спишь с несколькими из них в тесном кубрике, и запереться можешь лишь в сортире, да и то ненадолго – сразу начнут деликатно постукивать в переборку.

Прибыл Артуро всего две недели назад, но уже переделал кучу дел – вывел королевских фазанов и павлинов для шейха на арабской базе Алмриш, отработал технологию, разобрался в нюансах местных условий, да ещё заключил несколько новых контрактов, когда остальные базы убедились, что технология рабочая. Артуро ценный специалист – он би-си, биоконструктор. *biocreator*, можно и так сказать. Их даже на Земле с Луной после Четырёх часов сейчас всего человек тридцать, а на Марсе он так вообще первый.

С Четырьмя часами получилась история, конечно, да. В двадцатом веке все боялись ядерной войны, в двадцать первом бичом стали эпидемии, а в начале двадцать второго китайцы устроили планете Четыре часа. Вроде как ненамеренно, но кто их знает, хотя по ним тоже сильно ударило.

В конце двадцать первого века Китай разработал технологию файн-по – фантомной не-волны. Ты, конечно, знаешь, но я повторю, время есть. Излучатель, смонтированный на

темпорально-плазменных кристаллах, работал лишь в неведении, поэтому китайцы запузырили его в свой космический лифт над Тибетом, и принялись озеленять регион.

Файин-по, «волна-5» или просто «пятёрка», значительно меняла свойства почвы, ускоряла рост растений, увеличивала их приспособляемость, способствовала даже появлению новых микроорганизмов, очищающих загрязнённую почву и воду. «Пятёрка» благотворно влияла на человеческое тело, угнетала патогенную микрофлору, увеличивала продолжительность жизни, приспособляемость, вот это вот всё, короче.

Была, оказывается, ещё и «четвёрка», но об этом до поры никто не знал.

Седьмого мая 2106 года огромный корабль-матка «Линь чанфанчо» – «Небесный ковчег зари» с двадцатью шестью тайконавтами и четырнадцатью тысячами эмбрионов стартовал от второго лифта китайцев на Хайнане к Марсу. И тут начались Четыре часа.

Артурос пережил Часы благополучно – они с гендер-партнёршей вдвоём отдыхали на маленьком безлюдном островке у побережья Кауэйраш и, когда началось, Артурос дрых в бунгало после вчерашнего, а Рита с утра пораньше ускакала на пляж. Поэтому, кинувшись искать его, Рита, ослеплённая яростью, свалилась в какую-то яму и не смогла выбраться, только сорвала себе ногти, в бессильной злобе царапая стенки. Артурос же, одержимый жаждой убивать, рыча и брызгая

слуюной, метался по острову все Четыре часа, поймал лишь какую-то несчастную ящерицу и с наслаждением загрыз её. После окончания волнового удара Артуро с Ритой свалились где были, и проспали мёртвым сном почти сутки.

Что же творилось в это время на континенте (у нас творилось, кстати, почти то же самое, помнишь, мы не раз с тобой говорили)?

Оказалось, почти сразу после старта «Небесного ковчега» на тибетском лифте бабахнуло, и он упал (там была тёмная история с каким-то генералом-маньяком), а «Небесный ковчег» ударил по Земле «четвёркой». Сеть ретрансляторов на орбите была давно готова, накрыло большую часть планеты. Излучение проникало сквозь бетон и свинец, под поверхность на глубину до пятидесяти метров. На детей до начала полового созревания «четвёрка» не действовала и многим, слава Деве Марии, хватило ума убежать или спрятаться.

Во время старта «Небесного ковчега» команда погрузилась в своеобразный анабиоз – дегидросомнию, но борттехник Магда Ли, обойдя систему безопасности, пробралась в отсек с генератором и переключила его в режим «волна-4», перенаправив вектор излучения на Землю. В отличие от «пятёрки», «четвёрка» была страшным оружием – она вызывала в людях (и только в людях) неуправляемую агрессию вкупе с желанием убивать. Четыре часа, пока корабельный ИИ не разбудил командира экспедиции полковника Тао и он не снёс Магде Ли голову плазменным резакон во время схватки

на обшивке «Ковчега», «четвёрка» поливала Землю смертоносным излучением, а на поверхности и под ней люди расправлялись с родными, друзьями, коллегами и просто случайными встречными.

Сам почти мёртвый (технически он был убит ещё до того, как покончил с Магдой – как слышал Артуро, но у китайцев есть свои секреты) полковник Тао переключил генератор обратно на «волну-5», а затем корабельный ИИ уложил его в реаниматор. Остальная команда ничего не знала до самого подлёта к Марсу.

Жертвы на Земле оказались ужасны.

Десять лет ушло на устранение последствий катастрофы, десять лет земляне отходили от жутких психологических травм, прежде чем всё хоть как-то наладилось. Никто не ожидал такого, ну ты знаешь – никто никогда не ждёт чёрного лебедя.

Ещё пять лет минуло, как люди вернулись на Марс. А китайцы с «Небесного ковчега» всё это время были здесь и, вроде бы, неплохо устроились.

Но вернёмся к Артуро.

Даже сейчас, через пятнадцать лет после Четырёх часов, население Земли составляет всего полтора миллиарда человек. Как с чёрным юморком шутит один знакомый Артуро, «зато перенаселение нам больше не грозит».

ИИ ровера отключён – Артуро не любит, когда за ним шпионят. Весь его обвес – это напылённый при рождении за

левое ухо ID-микочип, айчи, дающий право на Сеть и фамильяра, которым, Артуро, конечно, не пользуется (фамильяры сливают твои проделки службам, это известно, но на Южных территориях они необязательны, в отличие от страховой биометрии). Да и в слабенькой марсианской сети от фамильяра не было бы никакого толка, вся инфа и так есть в айчи.

Артуро иногда, забываясь, касается гладкой золотистой поверхности чипа подушечками пальцев, ощущая, как микротоки бегут по микоформам к ганглиям коры.

– Ровер бортовой номер четырнадцать, – оживает интерком, – вы приближаетесь к закрытой зоне. Подтвердите личность пассажира.

Поскольку ИИ ровера спит, Артуро сам идентифицирует себя, сканируя свой ID и отправляя его на проверку быстрыми движениями глаз.

– Синьор Артуро Фрага, добро пожаловать в Первый оплот, – говорит тот же безликий артифицированный голос. – База принимает на себя управление вашим ровером. По прибытии, пожалуйста, оставайтесь в кабине до контакта с персоналом.

Да без проблем, думает Артуро.

Идущий позади арабский ровер сопровождения убеждается, что 14-й заезжает по пандусу в шлюз Пии Ти-пе, разворачивается и катит обратно к подземным куполам базы Алмриш.

Артуро пробудет на Пии Ти-пе несколько солов², меньше, чем на Алмрише, но оплата за эту работу может составить большую часть его командировочных. Почему?

А потому, что здесь у Артуро есть особое дельце. Если у него, конечно, хватит ума его проверить.

КСЁНДЗ ЖУТ

Ровер спускается в шлюз. Первый оплот, как и все почти базы и комплексы здесь, стоит на залежах льда, углублён, спрятан под слоем песка и почвы, а где-то и напрямую врезан в базальт – от бурь, от коррозии, от радиации. Первым делом от радиации. Хотя, говорят, «пятёрка» и так отлично защищает.

Первая роллета отсекает бурый свет снаружи, Артуро слышит резкий вздох воздуховодов – шлюз всасывает вездесущую пыль. Вторая роллета уходит вверх, впуская ровер в пустой, залитый белым светом бокс.

На галерее сверху стоит некто в чёрном облекате, напоминающем сутану. Белый визор, белый воротничок.

– Добро пожаловать, синьор Фрага, – опять дребезжит голос из динамика. Напрямую никто не подключается, всё аналоговое, вот же старьё. На Марсе общаются по старинке, берегут трафик – пропускная способность сетей всё ещё невелика. – Следующие двенадцать часов вы проведёте в каран-

² Марсианские сутки, длятся примерно 24 часа 40 минут

тине. Будет произведён досмотр вашего багажа и оборудования. Пожалуйста, следуйте указаниям. По процедурным вопросам обращайтесь к ксёндзу Жуг.

Фигура в чёрном поднимает руку в приветствии. Ксёндз! Артуро запрашивает айчи – это польский священник. Откуда у китайцев польский священник?!

Да и вообще, он рассчитывал на более, скажем так, выраженное гостеприимство. На Алмрише его встречали с куда большей помпой, а тут ни одного официального лица – только, забери его Барон и Йеманжа, какой-то тухлый поляк.

Когда он выбирается из ровера, на галерее уже никого нет.

В карантине скучно, предсказуемо никакого вирта. Каюта довольно просторная, и он здесь один, в отличие от Алмриша с его липкими взглядами: что там делает этот темнокожий верзила? Артуро принимает узи-душ и посвящает несколько часов гендер-игрушкам, которыми совсем не пользовался на Алмрише – у арабов свои представления о приличиях, довольно средневековые. А здесь, даже если за ним подсматривают китайцы или этот польский святоша, ему плевать. Тестостерон требует разрядки, и в конце он весь, от лысой макушки до пят, лоснится от пота.

Сон пролетает быстро.

– Ксёндз Жуг ожидает вас в кают-компании, – квакает интерком. – Следуйте указателям.

Дверь со щелчком отходит: он прошёл карантин и проверку. Артуро переключает облегат в официальный режим: сей-

час на нём серый костюм от Гуччи. Пустая станция (да где здесь все?) скрипит и едва слышно потрескивает. Коридор из пожелтевшего от времени пластика совсем короткий.

Ксёндз Жуг стоит у входа в кают-компанию. В помещении облегат не закрывает её голову, в остальном – та же су-тана. Русые короткие волосы, серые внимательные глаза, белая кожа, россыпь веснушек на скулах и переносице.

Она протягивает руку и облегаты обмениваются линками.

:Станислава Жуг, Лодзь, Краковский технологический, стажировка в Море Спокойствия, инженер систем жизнеобеспечения. Рукоположение в сан, Конгрегация доктрины веры, капеллан миссии *Two*:

Подождите, про себя спохватывается Артуро, они же погибли, как и миссия *One*. Выходит, не все?

– Здравствуйте, синьор Фрага, – шепчет ксёндз Жуг. В тишине (почему-то) кажущейся пустой станции её шёпот звучит чуть ли не угрожающе. – Вы уже со всем ознакомлены, так что обойдёмся без прелюдий. Готовы приступить?

– Зовите меня Арти, – улыбаясь и показывая крупные белые зубы, говорит Артуро. Ксёндз Жуг очень привлекательна. Что она забыла в проклятой миссии *Two*? – Или «моко», вместо «синьор». Это значит «молодой человек». На Южных территориях синьорами зовут только старичков. Что у вас с голосом, Станислава?

– Зовите меня пани Жуг, – шепчет пани Жуг. – Или «ксёндз». Я не расположена к фамильярности, да и фамильяров

у нас нет. Связки обожжены кислородом. Предлагаю позавтракать и вы можете приступать. Полагаю, ваше время – деньги.

Артуро кивает, не переставая улыбаться. Она та ещё штучка. Интересно, с кем из китайцев эта Станислава спит? Или ей сан не позволяет? Блюдёт целибат?

– Вы совершенно правы, пани Жуг. Время – деньги. Давайте начнём.

Завтрак состоит из предсказуемо безвкусного концентрата.

– И что же, китайцы не могут починить вам связки? – спрашивает Артуро, жуя.

– Могут. Я не хочу. Это моя епитимья, – шепчет она.

– Да, кстати, а где они? Китайцы, воспитанники, хоть кто-то? Ощущение, что на всей базе только мы двое.

– Офицеры заняты работой. Воспитанники заняты, ммм... Умственной работой. Заканчивайте с завтраком, сеньор Фрага, я покажу вам лабораторию.

На Первом оплоте действительно мрачно и гнетуще, как предупреждали Артуро на Алмрише. Отчасти понятно: это самая старая база, безлюдье ещё это... Кажется, что база населена призраками. Что-то мелькает за поворотом коридора, сухой воздух холодит кожу и кажется, что тени сплетаются в слабом сиянии световодов у тебя за спиной. Последний раз подобное Артуро испытывал в похоронке пятнадцать лет назад, когда отрабатывал свою вахту по ликвидации послед-

ствий Четырѐх часов.

Но лаборатория вполне современна, не хуже арабской. Всё его оборудование уже распаковано и стоит на своих местах.

– Хорошо, ксѐндз, – говорит Артуро. – Кого будем воспроизводить?

– Воспитанники предварительно выбрали объекты, – шепчет она. – Но давайте подождѐм сол-другой. Им надо к вам присмотреться. Пока начинайте готовиться к воспроизводству.

Пани Жуг отступает к двери и её облегат шелестит точно, как сутана, Артуро готов поклясться.

– Я буду с воспитанниками, – говорит она. – Встретимся за ужином.

Дверь лаборатории щѐлкает, воцаряется тишина. Артуро переключает облегат на рабочий режим – джинсы, клетчатая рубашка, удобные кроссы, и врубает ип-ту-той с айчи. Воспоминания будут не из лучших, тоска. Да и без разницы. Всѐ равно они почистят ему каталог перед отбытием. Он подписывал контракт и знает процедуру. Воспоминания не то, чтобы исчезнут, но будут размыты и происходящее останется лишь в общих чертах. Первый оплот – секретный объект, он на таких работал. Нечего грузиться, лучше экстрадируем-ка первичный бульончик и активируем эмбриогенез.

– Как это было? – шепчет она за ужином. Мясной концентрат почти приличный, хотя пустая кают-компания выглядит

не сильно духоподъёмно. – Четыре часа? Вы их помните?

Артуро качает головой.

– Хотите кровавых подробностей? У меня их нет. Мне повезло – я ни до кого не смог добраться. Потом похоронка, уборка трупов. Было, – он морщит нос, – неприятно. Есть линки, но я их не просматриваю.

Ему кажется, или в её глазах мелькает разочарование? Может, это просто усталость?

– А как было у вас? – спрашивает он. Если у неё нет никакого чувства такта, то и он может быть безжалостен. – Как погибла миссия Two? (Оне просто вымерли, это он знает, но Two после Часов просто бросили на произвол судьбы).

Ксёндз Жуг крутит в пальцах пластиковую вилку.

– Ну да, – шепчет она, – вы же всё равно забудете.

И поднимает на него взгляд своих серых глаз. Кажется, там стоят слёзы, хотя Артуро не уверен на все сто.

– Когда связь пропала, мы получили ещё четыре грузовика – штаб-квартира миссии на Земле отправляла их заранее. Раз в месяц приходил грузовик, а связи так и не было, и мы понимали, что случилось что-то из ряда вон. Что-то очень плохое. А когда такое случается, власть забирают люди, которые обычно сидят тихо и не высовываются. В миссию, думаю, их набирали сознательно.

– Да, кстати, – перебивает Артуро, – а как вы-то попали туда? Я думал, женщин вообще-то не рукополагают в сан.

– «Sacerdotis novi ordinis», Новый порядок священства.

Папа выпустил энциклику в девяносто девятом, но потом уже было не до этого.

Она некоторое время молчит.

– Вы понимаете, что, когда прибыл «Небесный ковчег», люди в миссии уже практически начали есть друг друга? Хорошо, что у нас не было детей. Китайцы не шли с нами на контакт, вообще не отвечали. (Это понятно, подумал Артуро, их ресурсный запас не был рассчитан на ораву голодных ртов из миссии Two). Те, кто стал у руля, решили, что у нас есть преимущество. Надо напасть на Первый оплот и завладеть их запасами. Заодно узнаем, что творится. В рейд пошли все, способные держать оружие.

– У вас было оружие? – удивляется Артуро.

Она кивает.

– И вы тоже участвовали?

– Да, – шепчет ксёндз Жуг.

– А как же учение Церкви? Вот это: возлюби ближнего своего? Блаженны нищие? Не убий, не возжелай, и так далее?

– Церковь говорит одно, но Марс диктует свои правила, – зло отвечает она. – Мы понимали, что многие могут погибнуть. Мы как раз готовы были отдать жизнь свою за други своя. Но тут властвует не Христос. Скорее Ницше: добра и зла не существует, есть лишь право сильного. Другие заповеди. Морали нет.

– И что?

– Китайцы сожгли нас ещё на подходе. Они всё время следили за нами, мониторили обстановку, прослушивали переговоры. Адмирал Тао отдал приказ с «Ковчега».

– Кстати, где он? На Основной?

Основная находится в пяти ли от Первого Оплота, там, насколько знает Артуро, живёт постоянный персонал «Ковчега» на поверхности. Значит, после нападения они покинули Первый оплот и отстроили новую базу, а эту отдали под нужды Дюжины.

– Нет, он ни разу не спускался вниз. Он всё ещё там, наверху.

– Понятно. А вы выжили?

– Да. Наш ровер сгорел, меня спасла их штурмовая группа. Меня и ещё четырёх человек. Это всё, что осталось от миссии. Те четверо сейчас живут на Основной.

– Что ж, защищать своё всеми силами и уничтожать тех, кто пытается это отнять – китайцам не пришлось учить этот урок.

– Тут я, пожалуй, соглашусь.

– Боги космоса жестоки, – Артуро отодвигает тарелку. – Боги дальнего космоса будут, видимо, просто безжалостны. Но и на Земле никогда не правил Христос, признаться. У нас на Южных территориях Плотник из Назарета сейчас практически потерял свои позиции, хоть я и крещён в католичестве. Верховодят Барон Суббота и Йеманжа.

– Может быть, Папа когда-нибудь издаст энциклику и на

эту тему.

– А ваше горло... Это такое искупление вины?

– Я полюбила моих воспитанников, синьор Фрага. Моё горло напоминает мне, что я собиралась напасть на их дом.

– Поэтому вы здесь? Из-за вашего сана?

– Я не только священнослужительница. Я психолог, воспитатель. У нас была разносторонняя подготовка. А у китайцев некому и некогда было заниматься больными детьми.

Артуро потягивается, демонстрируя мощную грудную клетку и крепкие мышцы рук.

– Знаете, что, Станислава? Я вижу, как вам одиноко. Приходите ко мне сегодня. Я только приму душ.

Ксёндз смеривает его насмешливым взглядом.

– Лучше выспитесь. Завтра вам знакомиться с Дюжиной. С Рэдом. Работать. И знаете, что, моко Арти? Я хорошо сплю по ночам.

Вот. А остальное ты знаешь.

Но я всё равно расскажу.

РЭД

Дюжина – так они их называют. Это название Артуро впервые услышал ещё на Алмрише, но у арабов были только отрывочные сведения. Утром второго сола ксёндз скидывает ему профайл.

"Шэнсяо", ##. Что-то вроде «родиться похожим». Как зо-

диак, только по китайским годам. Когда Магда Ли включила «четвёрку», отражённая рефлектором волна ударила и по «Ковчегу»: эмбрионам и экипажу. Экипаж был в реаниматорах, а вот эмбрионы погибли почти все. Ну да, сообразил Артуро, поэтому китайцы и не захватили Марс, как собирались. Здесь им пришлось налаживать воспроизводство по новой. Главное преимущество китайской миссии – «Ковчег» на орбите и генератор «волны-5» на нём. «Пятёрка» как раз обеспечивает «зелёную зону» для воспроизводства, на Марсе ведь нет своего магнитного поля.

Двенадцать уцелевших и относительно неповреждённых эмбрионов, которые они всё-таки вырастили, и есть Дюжина. Лошадь, Коза, Змея, Бык, Кролик, Крыса... Станиславу Жуг посадили при них наседкой, она пришлась очень вовремя.

Генетически улучшенные эмбрионы, попавшие под волновой удар. Очень умные дети, все со врождёнными тяжёлыми заболеваниями. Возможностей би-си пятнадцать лет назад у китайцев на Марсе ещё не было. Относительную подвижность сохранили только трое детей, полноценно передвигаться может только один – Радек Ву. Польское имя, китайская фамилия. На аватарке – сердитая красная птица из древней игры. В Дюжине – Петух. Зовёт себя Рэд. Манифестирует всю группу воспитанников.

В оранжерее Артуро здесь впервые. Довольно просторно, метров восемь в поперечнике. Разноцветная пластиковая мебель, какие-то фикусы в кадках. В углу маленький фон-

тан, роскошь по меркам Первого оплота. На Алмрише арабы такие фонтаны понатыкали в каждом углу, а в оранжерее у них растут настоящие финиковые пальмы. Здесь же над головой – купол над армированной решёткой, имитация голубого земного неба. По вогнутому экрану плывут белые облака. Тихо.

Входит Рэд.

Опираясь на трость, он ковыляет к оранжевому креслу у фонтана. Маленький горбун в сером комбинезоне. Ему тринадцать земных лет. Шишковатая голова с редкими рыжими волосами странно деформирована, из-за чего кажется, что его левый глаз смотрит в сторону, а правый всё время пялится на Артуро. Он неловко садится.

– Здравствуй, Рэд, – говорит Артуро.

– Здравствуй, моко Арти, – хрипит мальчишка.

Что у них с голосами? Этому тоже нельзя починить связки? На китайской стороне Артуро ещё не видел людей без особенностей. Паноптикум, прости его мама Бриджит.

Они с Рэдом рассматривают друг друга.

– Ты будешь делать нам птиц, – говорит Рэд.

– Да, – кивает Артуро.

Без «пятёрки» ты не довезёшь на Марс ни живых птиц, ни эмбрионы для воспроизводства – жёсткое излучение убьёт их в пути. А генератор «пятёрки» до недавних пор был только у китайцев, и тот на «Небесном ковчеге».

Домашние животные на станции благотворно влияют на

психологический климат в коллективе. А птицы – это ещё и показатель статуса. В режиме выживания не будешь заниматься разведением попугаев.

Дюжина, насколько понимает Артуро, живёт в основном в вирте. Беспомощные инвалиды с многочисленными нарушениями жизнедеятельности, практически все на постоянной аппаратной поддержке. Как там сказала Жуг? «Занимаются умственной деятельностью». На Алмрише ему говорили примерно то же самое. Критерием выживания был неповреждённый мозг, догадывается Артуро. Это мозговой центр колонии. А чем они тут занимаются, он узнает, никуда они не денутся.

– Вы выбрали, кого именно?

– Выбрали, – хрипит Рэд. – Мы хотим воробьёв.

Айчи услужливо подкидывает Артуро ворох ссылок – китайская история с воробьями времён Большого скачка. У них определённно есть некий бзик на воробьёв. Но так даже лучше. Птички малы, неприхотливы, легки в воспроизводстве. Хорошие питомцы. Даже овощвиртные дети хотят себе питомца. Особенно овощвиртные.

Вслух он, естественно, этого не произносит. Овощвиртный – грубое оскорбление.

– Разноцветных, – продолжает Рэд. – Для Лошади – белого, Змее – зелёного, Бык хочет чёрного, а Свинья – розового. Тигру оранжевого, Крысе серого, Кабану коричневого. Дракону – жемчужного. Обезьяна возьмёт жёлтого, Кролик

– голубого, Собаке нужен золотистый.

– А тебе?

– Мой цвет красный, – хрипит Рэд. – Красный воробей.

Днём мальчишка приходит в лабораторию к Артуро, посмотреть, как идёт эмбриогенез.

– Как вы тут? – невзначай интересуется Артуро.

Рэд недружелюбно косится на него.

– Ты серьёзно?

– Ну конечно.

– А то ты не знаешь.

Артуро прикидывается дурачком.

– Я очень издалека, если ты не заметил.

Мальчишка пристраивается на стул.

– База – наш единственный дом, – хрипит он. – Даже небольшое перемещение для Дюжины травматично. Я единственный, кто может поехать хотя бы на Основную, но я никогда туда не поеду, потому что это будет очень болезненно для остальных. Именно физически болезненно, понимаешь? Все залочены на меня, я их единственные глаза и уши в реал. Разрыв связи будет критическим. Про подъём на орбиту я и не говорю. При этом все мы знаем, что где-то есть настоящие, не виртовские зелёная трава, горы, леса и моря, некондиционированный воздух, ветер и солнечный свет. А мы все умрём здесь, на Первом оплоте. В возрасте от пятнадцати до двадцати пяти земных лет, по прогнозам медкона. Так что всё просто отлично.

– Станислава помогает вам?

– Станислава нам как мать, – Рэд строго смотрит на Артуро. – Она нас вырастила. Мы живы только благодаря ей. Не вздумай её обидеть.

– Что ты, как можно, – улыбается Артуро.

– Ты знаешь, что её семья погибла в четвёртом году в Лодзи, во время вспышки лёгочной чумы? Муж и трое маленьких детей, все умерли за два дня. Теперь мы – её единственная семья.

Понятно, думает Артуро. Принять сан и сбежать на Марс – возможно, это был неплохой выход. Но от себя не сбежишь.

– Не переживай, – говорит он Рэду. – Всё будет хорошо.

Артуро врёт. Он уже знает, что надо делать.

Рэд уходит, стучая тростью по пластиковым плиткам пола.

Би-си занимается своим делом. Отсыпать немного хромосом, поправить спираль ДНК. Добавить привязанности, у каждой птички должен быть только один хозяин. Цвет, пение. Пусть воробьи поют, а не только чирикают. Будет сюрприз. Артуро вносит лишь одну поправку в код. Все решат, что это непреднамеренный сбой – с живыми объектами такое случается. От ошибок никто не застрахован.

– Мне не надо встречаться с остальными воспитанниками? – спрашивает он ксёндза Жуг за ужином.

– Незачем, – шепчет она. – Рэд полностью манифестирует группу.

– Они только через него знают, что такое быть живым?

Станислава молчит.

– Он их единственная связь, через которую можно воспринимать реальный мир, – наконец отвечает она. – Вкус еды, чистые простыни после душа, мастурбация и оргазм, акты мочеиспускания и дефекации, прикосновения к коже, тепло и холод, запахи и звуки, поцелуй и объятие. Даже дыхание для большинства из них вне вирта травматично. Они могут жить в каких угодно сказочных мирах, но они дети, хоть и очень умные. Уже, скорее, подростки. Переходный возраст никто не отменял, это зашито в программу развития психики любого организма. И они знают, что живут в симуляции, что всё там ненастоящее. Это серьёзное отличие от взрослых, которые уходят в вирт добровольно. Все они отдали бы что угодно, чтобы ощутить хоть крошечный глоток настоящей свободы.

– Чем же они всё-таки занимаются? – спрашивает Артуро.

– Вы же практически всё забудете, – шепчет Станислава. – Тогда ладно, смотрите.

Она щёлкает пальцами.

Артуро огляделся. Что-то неуловимо поменялось. Стены кают-компаний приобрели, кажется, оттенок сепии. Его вместе со стулом будто бы всё время слегка сносило назад, словно сильным ветром, хотя он оставался на месте. Ощущение было очень странное. Его затошнило.

– Что вы сделали? – спросил он.

Ксёндз снова щёлкнула пальцами.

Всё снова на месте, и Артуро уже никуда не едет.

– Это был *сдвиг*, – говорит она. – Но занимаются воспитанники не этим. Это игрушки. А вот есть вопросы практического применения номерных волн файин-по. Отслеживание активности донных метаморфов Энцелада в толще вязкого льда. Блокада экстензы в поясе Койпера. Моделирование слияния сверхсетей, вы же в курсе происходящего сейчас на Земле? Нивелирование угроз. Подготовка к ним. На Алмрише вам об этом говорили?

Она смотрит ему в глаза.

– Нет, – снова врёт Артуро. – У арабов были другие задачи.

АЛМРИШ

Помнишь старые шпионские боевики? Ты любил их смотреть. Все эти Джеймсы Бонды, Джеки Ричеры и Джейсоны Борны: то, что пропустила цензура. Герои китайской разведки, конечно, 701-й отдел и детектив Яньчжи. А помнишь ту клюкву про русских? Про шпионку внутри системы, которая должна была развалить её изнутри, как там её звали? Доминика Егорова? Русский уроборос, бесконечно пожирающий себя за хвост. Пожирающий, пожирающий... Фильм дурацкий, но посыл верный – внедряйте своих агентов в самое сердце врага. Враг снаружи, враг внутри...

Помнишь название? Конечно же, помнишь.

«Красный воробей».

Артуро идёт вместе с шейхом вдоль искусственного пруда в оранжерее базы Алмриш. На поверхности воды – небольшая рябь, под ней резво снуют золотые рыбки.

– Я слышал, что дальше вы направитесь к китайцам, на Первый оплот, – говорит шейх.

Выведенный Артуро павлин распускает невдалеке свой изумрудный хвост, и с него на шейха и биоконструктора взирают десятки прекрасных «глаз».

– Верно, ваше высочество, – отвечает Артуро.

– Я вижу в вас прекрасного специалиста, – говорит шейх. – А также мы сканировали ваш психопрофиль и убедились, что вы не очень любите китайцев.

– Кто же их любит после всего, – говорит Артуро.

– Тогда, почтенный синьор Фрага, у меня есть к вам конфиденциальное предложение, – говорит шейх. – Очень конфиденциальное.

Артуро почтительно молчит.

– Первый оплот – особый объект, – говорит шейх. – Мы полагаем, что китайцы ведут там специальные разработки. В том числе и неконвенционального оружия. Открыто противодействовать мы им не можем. С «Небесным ковчегом» на орбите китайцы – гегемон Марса. Пока, во всяком случае.

Они идут вдоль берега, и мелкая галька похрустывает под ногами. Это сколько же средств арабы вбухали в одну оран-

жерею, думает Артуро. Воздух напоён влагой и ароматом роз.

– Мы никому ещё не говорили об этом, – продолжает шейх, – но Алмриш уже подвергнулся атакам с базы Первый оплот.

Удивлённый Артуро поднимает глаза на шейха.

– Не физическим атакам, если вы подумали об этом. Мы полагаем, что персонал Первого оплота – гм-дети, эмбриоресурс с «Ковчега». Они, видимо, образуют что-то вроде борганизма. Слитный разум. Каким-то образом они организуют психические атаки на наших сотрудников.

Шейх привычным жестом оглаживает усы и бороду.

– Депрессивные состояния среди техников, к сожалению, стали нормой. Два месяца назад наш главный инженер сошёл с ума. Технический директор базы покончил с собой незадолго до вашего прилёта. Мы имеем веские основания полагать, что это результат воздействия китайцев. И исходит оно с Первого оплота.

– И вы хотите, чтобы я... Что? – спрашивает Артуро.

– Упаси Аллах, я ни в коем случае не прошу подвергать ваши драгоценные жизнь и здоровье опасности! – восклицает шейх и снова оглаживает усы. – Но следует принять во внимание вот что. По нашим сведениям, эти... хм... гм-дети на Первом оплоте весьма психически нестабильны. Прямое следствие их физических недостатков и усиленных умственных способностей. Вы же знаете, у гениев часто есть пробле-

мы с головой. – Шейх хитро улыбается.

Он запускает руку в карман расшитого халата (на нём, в отличие от Артуро, не облегают, а именно настоящий халат), достаёт горсть зёрен и бросает королевским фазанам, бродящим в траве поблизости. Фазанов тоже вывел Артуро.

– Видимо, китайское руководство с вашей помощью хочет сделать своим верным слугам на Первом оплоте подарок, – говорит шейх. – Птиц, или других питомцев. Если при воспроизводстве некий конечный продукт окажется с небольшим браком, что спровоцирует возможные сбои в работе персонала Первого оплота, мы будем вполне удовлетворены, иншалла. Конечно же, такое случается: технология находится в стадии отладки, и по условиям контракта, биоконструктор не несёт ответственности за подобный сбой – он только обязан заменить неисправный продукт. Мы понимаем: неустойки, репутационные потери, все те риски, которые вы несёте как специалист и гарантируем достойное возмещение. Обещаю, что вы не пожалеете.

– Я подумаю, – медленно говорит Артуро. В его голове щёлкают варианты.

Шейх останавливается.

– Вы же слышали о происходящем сейчас на Земле? Сверхсети, слияние. Перспектива непрерывного существования. Мы можем твёрдо обещать вам Переход, когда у вас всё получится, иншалла.

– Я обязательно подумаю, – повторяет Артуро.

– Подумайте, подумайте, – горячо говорит шейх. – Наша благодарность поистине не знает границ. Конечно, надо будет остаться там до благополучного для нас (он подмигивает) исхода и убедиться, что всё прошло, как надо. Но вы очень умный человек, синьор Фрага, вы прекрасный специалист. Я уверен, у вас не возникнет с этим проблем.

КРАСНЫЙ ВОРОБЕЙ

Клетки для птиц ксёндз Жуг печатает на принтере и приносит в лабораторию сама.

Каждую цветную птичку Артуро сажает в клетку и будит ингаляцией феромона её хозяина – образцы предоставил Рэд. Модифицированные воробьи приходят в себя и сидят смирно. Тележка с клетками катится за пани Жуг в оранжерею.

Рэд уже там, и его глазами за ними следит вся Дюжина. Мальчишка изнывает от нетерпения, но хорошо держит себя в руках.

Артуро открывает клетки, и воробьи выпархивают наружу. Чирикают, прыгают по креслам и диванчикам. Взмывают вверх, к куполу, сидят под искусственным небом на прутьях решётки. Знакомятся. Проблем не будет – воробушки бесплодны, а ресурс у птичек восемь земных лет. Большинству воспитанников хватит с лихвой. Да и Артуро оставляет на Первом оплоте пару десятков копий-заготовок для воспро-

изводства.

Белый, серый, золотистый. Черный, жёлтый, голубой. Выбери себе любой. Они пока не поют – будут петь, когда их принесут к хозяевам. Сюрприз.

Красный воробей, обследовав оранжерею, слетает вниз, в руки к Рэду. Тот прижимает птичку к груди – крепко, но нежно. Артуро слышит, как воробей негромко поёт «Спи, лялечко», колыбельную, которую ксёндз Жуг пела малышам из Дюжины несколько лет назад. У каждой птички запрограммировано несколько индивидуальных мелодий для пения, но эта для всех общая.

Ксёндз Жуг крепко сжимает ладонь Артуро.

– Можешь звать меня Стася, – шепчет она.

Он отдаёт ей серебряный ультразвуковой свисток. По его звуку птицы вновь слетаются в клетки. Рэд везёт тележку в каюты своих братьев и сестёр.

Этой ночью Станислава Жуг приходит в каюту Артуро и остаётся у него до утра. Китайское руководство явно не очень следит за нравственным обликом своих сотрудников, или же ей сделали поблажку в честь успешного воспроизводства птиц? Церковные обеты тоже забыты, но она сама говорила, что на Марсе другие заповеди.

Не важно, главное, что секса у неё явно не было очень-очень давно.

– Дети счастливы, – сообщает она ему наутро. – Ты волшебник.

Отладка занимает ещё пару солов – Артуро остаётся наблюдать за птицами.

Он как раз находится в оранжерее вместе со Стасей и Рэдом, когда красный воробей, попрыгав, как обычно по арматуре решётки купола, вдруг взмывает вверх, к синему «небу» с бегущими по нему облаками.

Ударившись об экранную панель, оглушённая птичка цепляется за решётку и собирается с силами. Остальные воробьи начинают тревожно кричать. Кричит и Рэд.

Стася беспомощно смотрит на Артуро, прижав руки к лицу.

Красный воробей падает вниз с решётки, закладывает голову кружильный вираж и что есть мочи мчится вверх, к куполу. Глухой звук удара внизу слышен очень хорошо. Красный комочек, теряя крошечные перья, отвесно падает вниз, ударяется об стол, отскакивает мячиком на пол. Рэд быстро ковыляет к нему, хватая и суёт за пазуху, чуть не падая на пол. Стася пытается помочь ему встать, но мальчишка отталкивает её руки, опираясь на свою трость одной рукой кое-как поднимается на ноги и, придерживая отворот комбинезона у груди другой, быстро выскакивает из комнаты.

Ужас и растерянность – вот что изображает Артуро на лице. Не забыть добавить раскаяния.

– Ошибка в настройках, – бормочет он. – Это бывает. Я сделаю копию, такое не повторится.

На лице Стаси сменяют друг друга несколько выражений.

Последнее – ярость.

– Идите к себе, синьор Фрага, – шипит она. – Спасибо, вы сделали всё, что могли!

Она догоняет его у выхода и хватается за руку. Хватка совсем не дружеская.

– Вашей главной ошибкой, – яростно шипит ксёндз, – было думать, что у вас есть право на ошибку. Убирайтесь!

Дверь в каюту Артуро оглушительно щёлкает, закрываясь за ним. Его заперли, кредит доверия исчерпан. Но и работа сделана. Психологический удар силён, он сам видел лицо этого Рэда, когда тот хватал трупик птицы. Диверсию вряд ли кто заподозрит. Такое действительно случается, сейчас безопасники китайцев поднимут все файлы и убедятся в этом. А борганизм Первого оплота если и не выведен из строя полностью, то надолго и серьёзно повреждён. Арабы должны зачесть.

Стремление к свободе – такая же опция в настройках, как и другие. Часто перевешивает и инстинкт самосохранения, и здравый смысл. Ксёндзу Жуг следовало бы учитывать такие вещи.

Тихо шелестит интерком.

– Руководство базы Первый оплот благодарит синьора Фрага за проделанную работу, – говорит тот же голос, что встречал его в первый сол здесь. – Обязательства по оплате будут исполнены в полном объёме. В ваших услугах более не нуждаются. Утром ваш ровер заправят и подготовят к выез-

ду по маршруту следования. Багаж и оборудование по списку. Всего хорошего.

Как там говорила Жуг? Ночью Артуро спит хорошо.

Под утро возникает какая-то суета, тяжёлые шаги бухают за переборками, но Артуро накрывает голову подушкой. Суета – это то, что надо.

Наутро кажется, что снились плохие сны. Артуро полагает, это безопасники чистили каталог, подключаясь к его айчи через системы станции.

Его предсказуемо никто не провожает. Артуро торопится по коридору в бокс, опасаясь суггестивных воздействий на психику – со вчерашнего вечера тени вновь начинают сплетаться за его спиной.

Станислава рассказывала сказки, говорит он себе. Какие донные метаморофы? Какая экстенза в поясе Койпера? Что это вообще за экстенза? Угрозы? Чушь. Сказки! Страшные сказки дальнего космоса. Бабушка рассказывала ему про Барона Субботу и пострашнее.

Он проверяет багаж и оборудование – действительно, всё по списку. Индикаторы на панели ровера горят ободряющим зелёным.

Биоконструктор выводит ровер через шлюз. Не хотите прощаться – и не надо. Поедем и без вас. Скатертью дорога! Или как там? А, счастливо оставаться!

Конечно, китайцы даже не соизволяют дать ему сопровождение.

Ровер медленно катится к базе Северных территорий уже четвёртый час, когда Артуро становится смешно. Он почему-то вспоминает Риту и её клыки тогда, на острове. Он же её бросил тогда, сбежал с острова на катере. Клыки, ха-ха! А что это мы так медленно едем? Поддай газку! Рита потом ушла к асексуалу Жозефе, ха-ха-ха! Жозефа, упасть можно!

Часть разума Артуро бесстрастно фиксирует повышение оксида азота в атмосфере ровера. ИИ ровера, который должен регулировать пригодность воздуха для дыхания, отключён. Он сам его отключил. Не любит, когда за ним шпионят, ха-ха-ха!

Айчи сыпет красными иконками. Закись азота. Закиснуть можно, ха-ха-ха! Веселящий газ! От смеха Артуро сгибается пополам.

Облегат атакует его запросами: «перейти в режим скафа?», «перейти в режим скафа?», «перейти в режим скафа?». Между приступами хохота Артуро пытается отключить облегат совсем, но забывает, как это делается.

Ровер скатывается с наезженной колеи, трясётся по камням, опасно кренится. Впереди широкая расселина, но Артуро её не видит.

Он смеётся, смеётся, смеётся – до самой неизбежной, скорой и стремительной смерти.

МАРС

Осталось досказать совсем немного.

Ночью офицеры Ву и Си разбудили меня по тревоге.

Оказалось, что ты взломал систему безопасности (думаю, вы взломали её давным-давно, просто до этого не было повода) и вскрыл шкаф с аварийными скафами. Конечно, личного облегата у тебя не было – зачем он мальчишке, который никогда не покидает и не покинет станцию?

Ты вышел через аварийный шлюз. Проковыляв сотню шагов – я хорошо представляю, как тяжело далась тебе эти метры – ты открыл визор шлема, подставив лицо практически отсутствующей атмосфере планеты. За глоток свободы, сказал ты нам, можно отдать всё, что угодно.

Твой воробушек лежал у тебя на груди.

Мы с офицерами подошли к лежащему на песке скафу. В красных облегатах с золотыми визорами шлемов офицеры всегда смотрелись жутковато, но мной овладела полная апатия, хотя разумом я всё отлично понимала.

Офицер Си наклонилась и подняла лежащий в твоей руке листок пластиковой бумаги.

На нём были эти строчки по-польски:

**моя пичуга так мала
у сердца я её согрел
хватило б ей набраться сил**

есть у неё лишь взмах крыла

**в груди – ликующая трель
и неба
яростная
синь**

Офицер Ву взяла у неё этот листок, посмотрела на текст и отдала его мне.

Теперь он хранится у меня.

Боги Марса жестоки, кому это знать, как не тебе. Жестокие боги обрекли тебя и других малышей на вечное заточение в Первом оплоте, пусть волю их и выполняли вынужденно жёсткие и безжалостные люди, которые не готовились стать убийцами и тюремщиками.

А Христос, тот Бог, которого я почитала на Земле, который учил нас любить и прощать, был ли он тут?

Нет. Думаю и не пахло.

Воробушек мой, Радек, сыночек...

Прости меня, прости меня, прости...

Ровер синьора Фрага к отбытию готовила ксёндз Жуг, в то время как офицеры безопасности занимались надлежащим оформлением чрезвычайного происшествия.

Как говорил сам синьор Фрага, боги Марса жестоки, а защищать своё всеми силами и уничтожать тех, кто пытается это отнять – в дальнем космосе первейшая заповедь.

Когда Артуро в назначенный час не появился и не вышел

на связь, американцы, к которым он направлялся, начали поиски.

Комиссия по расследованию исчезновения (гибели) синьора Артуро Фрага обнаружила его ровер по радиомаяку. Ровер покоился на дне глубокой расщелины с отвесными краями. Ввиду опасности спуска и очевидной смерти синьор Фрага был признан захороненным на месте. К сожалению, и по сей день нередки несчастные случаи и глупые смерти, особенно среди новоприбывших.

Родным на Земле принесли глубочайшие соболезнования и перечислили полагающиеся суммы.

Рядом с Первым оплотом вскоре появился католический крест из марсианского базальта. Католическая (что значит – Вселенская) Церковь учит возлюбить ближнего своего и молиться за душу его, хоть ксёндз Жуг и поколдовала с кислородными баллонами синьора Фрага перед отъездом – не зря же на миссии Two она была инженером систем жизнеобеспечения. А закись азота – веселящий газ – легко произвести на месте.

Закись азота тяжелее воздуха, проблемы с закачкой её в баллоны не было. Смеси для дыхания – сжатого воздуха – хватило бы часа на три с половиной-четыре, учитывая объём лёгких биоконструктора. Потом начинала постепенно идти закись, а ехать оставалось ещё часа три. Настройки безопасности ровера грамотный техник тоже легко подправит.

На кресте имя би-си и годы его жизни. Рядом стоит

небольшой обелиск, и на четырёх гранях, обращённых к небу, выбиты изображения красной птички из древней игры.

А между крестом и обелиском, словно разделяя их, вкопана в поверхность Марса совсем невысокая плита, не больше полуметра высотой. Там лишь иероглифы:

###. Красный воробей.

Ксёндз Жуг, которая теперь манифестирует Дюжину вместо Рэда (а кому же ещё?) часто выходит в свободную минуту к этому маленькому импровизированному мемориалу. Выходит и стоит там, словно ведёт никому не слышную беседу.

Она была так неистово зла в то утро, что даже не сказала Артуро, как арабы с Алмриш пытались воздействовать ослабленной «четвёркой» сначала на Основную базу, а потом прицельно били по Первому оплоту, пока Дюжина не пресекла эти гнусные и вероломные попытки. У китайцев есть детектор файин-по, и никто не может безнаказанно наносить вред мирным научным базам.

А даже если бы и сказала, что бы это изменило? Для Рэда, для Артуро, для неё самой? Есть судьба, и боги ведут нас путями неисповедимыми только лишь к им одной известной цели.

Станислава Жуг возвращается к воспитанникам, кормит птиц, общается со своими детьми. В оранжерее её ждёт маленький красный воробей, которого она воспроизвела из контрактных заготовок, оставленных Артуро на Первом оплоте.

Рэд, так она зовет птичку, похож на аватарку Радека Ву – маленькую сердитую птицу из древней игры. Он всегда ей рад, никогда не пытается пробить купол неба и умеет петь её любимую мелодию, «Голубую планету».

А когда Стася засыпает, воробьишка у её сердца тихонько насвистывает старинную польскую колыбельную.

Над Марсом проносятся бури, сплетаются человеческие судьбы, люди гибнут или благополучно возвращаются домой. И в глубине космоса Марс вечно летит сквозь тьму.

Каменистый пустынный шарик ржавого цвета.

Он летит, будто красный воробей.

Такой же бесплодный.

Такой маленький...

Но свирепый.

И гордый.

Гордый.